Galactica Media: Journal of Media Studies. 2025. No 4 | ISSN: 2658-7734
Mass Culture | https://doi.org/10.46539/gmd.v7i4.679

“Mumu” and Memes

Elena E. Zavyalova

Astrakhan Tatischev State University. Astrakhan, Russia. Email: zavyalovaelena[at]mail.ru
ORCID https://orcid.org/0000-0002-8380-6645

Received: 18 August 2025 | Revised: 20 September 2025 | Accepted: 27 September 2025

Abstract

The purpose of the research was to identify patterns of perception of I. S. Turgenev’s short story “Mumu” by a mass audience. The object is memes on the relevant topic. The actual material was images containing allusions to the work (more than 200 units). In the beginning it was determined which artistic techniques I. S. Turgenev preferred to use in the process of creating a text. The following are the most popular types of interpretation of the images of Gerasim and his pet. The kinds of artistic transformation of significant narrative motifs in modern art are mentioned. The caricatures of A. Bilzho, which have become an integral part of the Russian Internet, are considered in detail. Other content based on Turgenev’s short story has been studied. The results of a percentage analysis of dominant motifs and image types are presented. It is pointed out that the authors of the images made mistakes and conceptual discrepancies with the original. Typical techniques for achieving a comic effect are traced: suddenness, violation of the predicted linearity of events, reinterpretation of meaning, routine, characters clashing from different works, imitation of an easily recognizable style or genre, use of homonymy, polysemy, etc. In conclusion, the factors are listed, due to which the episodes of Turgenev’s short story turned into media viruses. The article is intended for a wide range of readers interested in literary classics and their fate in the Internet space.

Keywords

I. S. Turgenev; the Short Story “Mumu”; Meme; Mediavirus; Interpretation; Transformation; Comic Effect; Stereotype; Trend; Identity

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

«Муму» и мемы

Завьялова Елена Евгеньевна

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. Астрахань, Россия.
Email: zavyalovaelena[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-8380-6645

Рукопись получена: 18 августа 2025 | Пересмотрена: 20 сентября 2025 | Принята: 27 сентября 2025

Аннотация

Целью разысканий стало выявление закономерностей восприятия рассказа И. С. Тургенева «Муму» массовой аудиторией. Объектом – мемы на соответствующую тему. Фактическим материалом послужили содержащие аллюзии на произведение изображения, зафиксированные в социальных сетях, блогах, пересылаемые через мессенджеры (более 200 единиц). В начале, для объективной оценки особенностей функционирования мемов, было определено, какие художественные приёмы И. С. Тургенев предпочитал использовать в процессе создания текста, какие поднятые темы вызвали наибольший резонанс в обществе. Далее перечислены самые востребованные типы интерпретации образов Герасима и его питомицы, освещены варианты трактовки кульминационного события, подчёркнута многочисленность, противоречивость существующих версий. Упомянуты виды художественной трансформации значимых мотивов рассказа в современном искусстве. Подробно рассмотрены карикатуры А. Бильжо, ставшие неотъемлемой частью российского интернета. Установлено, что большинство сюжетов художник строит на стереотипах восприятия советской и постсоветской действительности (героическая смерть и посмертное чествование, бандитский кипиш, протестный митинг, горячий репортаж, съёмка кинофильма) либо дополнительно вводит известных персонажей других знаменитых авторов; множа варианты развития событий, А. Бильжо доводит герменевтический принцип толкования до абсурда. Изучен иной контент, созданный по мотивам тургеневского рассказа. Изложены результаты процентного анализа доминирующих мотивов, типов изображения. Указано на допущенные авторами изображений ошибки и концептуальные расхождения с оригиналом. Прослежены типичные приёмы достижения комического эффекта: внезапность, нарушение прогнозируемой линейности событий, переиначивание смысла (например, подмена жертвы), рутинизация, столкновении героев из разных произведений, имитация легко узнаваемого стиля или жанра, использование омонимии, полисемии и т. п. В заключении перечислены факторы, благодаря которым эпизоды тургеневского рассказа превратились в медиавирусы, сделан вывод о сущности выработанной массовым сознанием эмблематической триады. Статья рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся литературной классикой и её судьбой в интернет-пространстве.

Ключевые слова

И. С. Тургенев; рассказ «Муму»; мем; медиавирус; интерпретация; трансформация; комический эффект; стереотип; тенденция; идентичность

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

Введение

Древняя связь с человеческим бытом делает собаку «традиционным персонажем мифов, легенд, фольклора и, как следствие, литературных произведений» (Рабкина & Валько, 2020, с. 1116). В концептосфере носителей русского языка доминирует представление об этом животном как о «чрезвычайно преданном и верном, неизменном друге человека» (Маругина, 2018, с. 18).

Рассказ И. С. Тургенева «Муму» – одно из знаковых произведений. Идиллические фрагменты из него стали включаться в российские сборники для детского чтения с 1870-х гг. (Соляник, 2022, с. 259–260). В 1933 г. он уже в полном объёме был введён в список обязательных для изучения текстов – потому что на примере судьбы Герасима классик показывает ужасы крепостнического строя. Современная программа по литературе XIX в. большей частью повторяет советскую; соответственно, практически все россияне знакомы с «каноническим» нарративом.

Определение уровня понимания хрестоматийных текстов массовой аудиторией, особенностей рецепции, закономерностей генерации смыслов даёт благодатную почву для рассмотрения культурных приоритетов того или иного поколения. Индикаторы позволяют делать выводы о доминирующих в обществе сущностных характеристиках. Анализ частных, казалось бы, предпочтений помогает обнаружить социально значимые проблемы, выработать пути их решения.

Одной из наиболее доступных оценочных единиц сегодня стал мем. В. А. Борисенко и Т. Ю. Мкртчян подчёркивают: «…мемы не только пользуются огромной популярностью в нашем обществе, но и обладают огромным коммуникативным, воздействующим и диагностирующим потенциалом, а их исследование остается актуальным и перспективным направлением» (2022, с. 41). В. Д. Нестерова отмечает: «Состояние современного медиапространства, выражающееся в его интерактивности и конвергентности, позволяет считать его важнейшим структурным элементом не новость, а более мелкую и подвижную единицу – медиамем» (2020, с. 619).

Целью нашего исследования стало выявление закономерностей восприятия рассказа И. С. Тургенева «Муму» массовой аудиторией. Объектом – мемы на соответствующую тему. Термин «мем» будет использоваться в данной статье в широком смысле – как конструкт нематериальной культуры, общедоступный, востребованный социумом; и в узком – как популярная полимодальная единица интернет-коммуникации, сочетающая в себе вербальную и невербальную информацию. Фактическим материалом послужили отчётливо содержащие аллюзии на тургеневский рассказ изображения – с надписями и без (карикатуры, демотиваторы, карикатуры и иллюстрации в виде демотиваторов, мем-фейсы и т.п.), зафиксированные в социальных сетях, блогах, пересылаемые через мессенджеры. Общий объём корпуса составил более

200 единиц. Не учитывались «элементарные» формы (т. к. важной характеристикой интернет-мема признана сложность композиции (Канашина, 2015, с. 118)), а также лишённые весомой визуальной составляющей тексты: песни, стихотворения, анекдоты, малые жанры постфольклора, такие как пирожки, порошки, депресняшки – этот объёмный контент требует отдельного исследования.

Использованные И. С. Тургеневым повествовательные стратегии

Для объективной оценки особенностей функционирования мемов необходимо определить, какие художественные приёмы И. С. Тургенев предпочитал использовать в процессе создания текста и как произведение было воспринято читателями. Начнём с беглого анализа оригинала.

В рассказе делается акцент на статности глухонемого героя: «двенадцати вершков роста, сложенный богатырём» [246][1], «одарённый необычайной силой» [246], «молодец» [271]. В начале и конце повествования при обрисовке Герасима И. С. Тургенев особенно часто использует фольклорные элементы. Так, в экспозиции говорится:

> «…Работал за четверых – дело спорилось в его руках, и весело было смотреть на него, когда он либо пахал и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, один, без помощи лошадёнки, взрезывал упругую грудь земли, либо о Петров день так сокрушительно действовал косой, что хоть бы молодой берёзовый лесок смахивать с корней долой, либо проворно и безостановочно молотил трёхаршинным цепом, и как рычаг опускались и поднимались продолговатые и твёрдые мышцы его плечей» [246].

Богатырский размах в этой цитате подчёркивают лексемы «молотил», «безостановочно», «сокрушительно». С. В. Савинков считает, что мощь и «ото всего отстранённость» придаёт фигуре крестьянина черты поддерживающего миропорядок мифического героя (2021, с. 166).

Других портретных деталей немного, они рассеяны по всему рассказу. Герасим носит нестриженные усы, бороду [264], одет в «красную крестьянскую рубашку» [267], шапку [269], в день прощания с Муму облачается в «праздничный кафтан» [268]. Лицо его чаще «безжизненное, как у всех глухонемых» [264].

В начале произведения содержатся сравнения с могучим деревом [246], здоровым быком, «которого только что взяли с нивы, где сочная трава росла ему по брюхо, – взяли, поставили на вагон железной дороги» [247], с «пойманным зверем» [247], чуть ниже – со «степенным гусаком» [248], в развязке – с сильным и бодрым львом [270]. Дворовые люди называют Герасима медведем [254], лешим [250, 253], «кикиморой степной» [253]. Интерьер

1 Здесь и далее текст тургеневского рассказа цитируется по изданию (Тургенев, 1980) – с указанием номера страницы в квадратных скобках.

его жилища – иллюстративный пример говорящих деталей: «богатырская кровать» [248] из дубовых досок, «дюжий сундук» [248], «столик такого же крепкого свойства» [248], «прочный и приземистый» [248] стул. Сообщается, что топор звенит в руках крестьянина, «как стекло» [247], – яркий образ, дающий понять сокрушительность силы этого человека. Авторитет Герасима держится, в том числе, на умении постоять за себя, точнее – за порядок. Он без особых усилий останавливает и наказывает воров, покусившихся на хозяйское добро; умеет распознать подвох, оценить иерархию челяди за праздничным столом, осадить насмешника, отстоять свои интересы. Предысторию писатель завершает важным, как нам представляется, штрихом: фокусирует внимание на большом, чёрном, похожем на калач замке на каморке глухонемого и никому не доступном ключе [248] – так надёжно заперта, непостижима душа героя[1].

Сюжетную линию о несостоявшемся сватовстве Герасима к крепостной Татьяне, выданной барыней замуж за горького пьяницу Капитона, нынешний массовый читатель помнит слабо. Показательно, что она не нашла отражения ни в одном меме. Вероятно, потому что ход событий изложен автором кратко, фрагментарно, а развязка слишком типична для той эпохи. Портреты девушки и найденного впоследствии щенка перекликаются: «маленькая, худая, белокурая, с родинками на левой щеке» Татьяна [249] и «небольшая» [257], «худенькая» [257], «белая с чёрными пятнами» [257] Муму. В описаниях доминируют мотивы хрупкости, беззащитности. Истории любви к женщине и питомице развиваются схожим образом, это отмечали многие исследователи (Липатов, 1959, с. 153; Чалмаев, 1986, с. 176; Скворцова, 220, с. 72–73).

Писатель постоянно подчёркивает заботливость Герасима по отношению к собаке: «ни одна мать так не ухаживает за своим ребёнком…» [258], «всю ночь… возился» [258], «неусыпные попечения» [258], «ему было неприятно, когда другие её гладили: боялся он, что ли, за неё, ревновал ли он к ней – Бог весть!» [258]. П. Е. Липатов отмечает: «Это была глубокая привязанность обездоленного, страшно одинокого человека к единственному из всех живых существ, которое на его ласку отвечало взаимностью» (1959, с. 146). Подробно рассказывается о преданности Муму хозяину: «она страстно привязалась к Герасиму и не отставала от него ни на шаг, всё ходила за ним» [258].

Подбор комплиментарных, подчас восторженных характеристик свидетельствует о том, что И. С. Тургенев старается сразу вызвать у читателей симпатию к четвероногой героине: «…превратилась в очень ладную собачку испанской породы, с длинными ушами, пушистым хвостом в виде трубы и большими выразительными глазами» [258] (глаза – зеркало души); «чрезвычайно умна, ко всем ласкалась, но любила одного Герасима» [258], «караулила его мётлы и лопаты» [258], «тонкий голосок Муму никогда не раздавался даром» [259], «никого никогда не укусила» [261] и т. д. (примечательны катего-

1 На символ можно посмотреть шире. Как справедливо указывает А. В. Вдовин, «мышление Герасима, не владеющего речью, на самом деле оказалось для Тургенева идеальным пространством для осмысления проблемы закрытости человеческого сознания» (2024, с. 65).

рические «чрезвычайно», «никого», «никогда»). Описанию повадок питомицы отводится значительный объём текста, часто повторяются уменьшительно-ласкательные суффиксы («собачка» [258, 258, 260, 269], «хвостик» [259, 270], «мордочка» [258, 269], «лобик» [269], «глазки» [269]). Писатель замечательно пристален в изображении поведения животного, в нескольких эпизодах образ частично антропоморфизируется (например, в сцене, когда спаниель «с важностью на лице» [258] отправляется с хозяином к реке или когда её пытается погладить барыня, а та в ответ на секунду оскаливает зубы, но тут же «слабо визжит, как бы жалуясь и извиняясь...» [261]).

Перед кульминационным событием И. С. Тургенев несколько раз обращает внимание читателя на безмятежность Муму. Её судьба предрешена, а собака стоит перед разгорячённой толпой челяди, «невинно помахивая хвостом и с любопытством поводя ушами» [268], в трактире «...спокойно поглядывает на него [Герасима] своими умными глазками» [269], в лодке, в последние мгновения, «доверчиво и без страха поглядывает на него и слегка махает хвостиком» [270] и только потом, кинутая в реку, издаёт «быстрый визг» [270]. Безграничное доверие животного делает вероломство её хозяина ещё более впечатляющим.

Литературоведческие интерпретации рассказа

Не будем перечислять прототипов персонажей, пересказывать историю цензурных проволочек, освещать этапы спора между демократической, либеральной критикой, служителями «чистого искусства» – вся эта информация содержится в школьных учебниках. Остановимся лишь на вариантах интерпретации идей произведения: их антитетичность в контексте избранного нами ракурса исследования имеет важное значение.

Каноничной стала цитата из адресованного автору письма И. С. Аксакова от 4 (16) октября 1852 г.:

> «Мне нет нужды знать: вымысел ли это, или факт, действительно ли существовал дворник Герасим, или нет. Под дворником Герасимом разумеется иное. Это олицетворение русского народа, его страшной силы и непостижимой кротости, его удаления к себе и в себя, его молчания на все запросы, его нравственных, честных побуждений... Он, разумеется, со временем заговорит, но теперь, конечно, может казаться и немым, и глухим...» (1894, с. 475).

В советское время самой популярной была мысль, что герой воплощает собой «здоровое начало в трудовом народе» (Липатов, 1959, с. 149). Позднее оказались востребованными другие версии – глухонемота как выражение «деструктивности» русского характера (Фомина, 2014, с. 54), состояния предопределённой отгороженности от помех со стороны «слишком человеческого» (Зимовец, 1996, с. 15), как воплощение субстанции Природы, замкнутой на самой себе, самодостаточной, свободной (Савинков, 2021, с. 166).

Муму, в свою очередь, получала статусы: невинной жертвы крепостничества; символического подобия женщины; сознательно идущей на смерть праведницы; уничтожаемой индивидуальности её хозяина; воплощения загадочной русской души; психоаналитического знака возможности переподчинения чужой воли собственному осознанному решению.

Соответственно, сцена с утоплением толковалась ещё более неодинаково: как побуждение Герасима сделать последние минуты жизни питомицы счастливыми, а умирание незаметным; как проявление его религиозного смирения; акт аскетического самоотречения; жертвоприношение; следствие получаемого наслаждения от подчинения власти и унижения; безрассудный бунт; абсолютная моральная победа. В. А. Чалмаев, например, считает, что глухонемой герой принял

> «…удивительно гордое, полное мучительной скорби и достоинства решение: он не позволяет тронуть собачку никому, сбрасывает толпу слуг с крыльца своей каморки и с великой мукой топит её сам! Это величие Разина, покорившегося ропоту своих собратьев, но не позволившему тронуть беззащитную – и совсем не добычу! – персидскую княжну никому. Последний жестокий жест – последнее выражение любви…» (1986, с. 177)[1].

С. В. Савинков утверждает, что Герасим совершает убийство себя (учёный справедливо указывает на любопытную деталь: в финальном «разговоре» с дворней персонаж дважды повторяет жест затягивания петли над своей шеей), по мнению исследователя, соприкосновение со смертью и небытием должно, согласно мифопоэтической логике, вести к «воскрешению и преображению» (2021, с. 168). Ницшеанцы трактуют кульминационное событие как преодоление Герасимом привязанности к «ближнему» во имя любви к «дальнему» (Там же, с. 169), открытие пути к достижению великих целей.

Типы художественной трансформации образов

Изваяния, посвящённые Герасиму и его питомице либо одной Муму, есть в Москве, Санкт-Петербурге, Белгороде, Балашихе, Евпатории, Гомеле, Салавате, Онфлёре и др. Во французском варианте памятника спаниель наделена русалочьим хвостом.

Литературные варианты реинтерпретации «Муму» достаточно подробно рассмотрены Ю. А. Гирмановой. Исследователь анализирует 14 современных произведений, разделяя их на несколько групп: ремейки, сиквелы, ребуты, апгрейды, неатрибутированные аллюзии. Делается весьма категоричный вывод: «Авторы в большей степени обращаются к социальному и в меньшей – к нравственно-эстетическому слою рассказа Тургенева, игнорируя при этом осмысление онтологической и историософской проблематики» (Гирманова, 2021, с. 47).

1 Столь неожиданное сближение ещё будет упомянуто в статье, в комической интерпретации мемологов.

Рисунок 1. В. Цесслер «Му-му. Памятник всем жертвам любви»

Figure 1. V. Tsessler "Mu-mu. Monument to all victims of love"

Под руководством Н. В. Кургузовой группа учащихся из Орловского госуниверситета изучила фандом по творчеству И. С. Тургенева. Оказалось, что фикрайтерами «Муму» являются главным образом школьники: осваивая учебную программу, они испытывают желание представить осмысление событий. Ни один из размещённых на платформе текстов не затрагивает отношения Герасима с Татьяной, в центре повествований – его питомица, как правило, стремящаяся к возмездию.

> «Герасим изображается то заложником своего положения, несчастным, убитым горем человеком, который всю оставшуюся жизнь винит себя в смерти Муму, то жестоким, глупым и порочным мужиком, думающим и действующим, как животное. Некоторые авторы описывают его как "живодёра" и "пьяницу"» (Белякова и др., 2017, с. 148).

Важное наблюдение: «прежде немой и непонятный персонаж обретает голос» (Там же). Впрочем, как и Муму: она в нескольких случаях осваивает человеческую речь, а в одном из фанфиков и вовсе превращается в обворожительную девушку.

Не оставлены без внимания исследователей экранизации «Муму». Наиболее резонансные: мультфильм 1987 г. (режиссёр В. Караваев), фильмы 1959 г. (режиссёры Е. Тетерин, А. Бобровский), 1972 г. (режиссёр Ю. Захар), 1998 г. (режиссёр Ю. Грымов), 2023 г. (режиссёр М. Зафари). В двух последних значительно изменён тургеневский сюжет, в первом критиками отмечена

атмосферность, провокационное решение любовных линий (Безбородова, 2022, с. 100), во втором – аутентичность декораций, полностью переделанный финал. Летом 2025 г. закончена работа над съёмками фильма с участием робота-собаки (режиссёр Г. Данилов).

Рисунок 2. Фотография со съёмок фильма по проекту Г. Данилова («Театр Села»)

Figure 2. Photo from the filming of the film basedon the project of G. Danilov ("Village Theater")

В 2009 г. HeroCraft создана аркада «М.У.М.У. Судный день». Согласно сценарию компьютерной игры, вследствие конфликта между Герасимом и Муму происходит бой с легионом её клонов-мутантов, живущих на дне Припяти. (Заставки симулятора до сих пор функционируют как самостоятельные мемы). В 2025 г. выпущен основанный на сюжете рассказа видеоролик с рекламой банка ВТБ (режиссёр К. Шипенко). Вывод очевиден: сюжет по сей день популярен, активно используется в коммерческих целях. Узнаваемые персонажи, прецедентные имена, знакомые реплики вызывают интерес широкой аудитории.

Рассмотрим содержащий аллюзии на «Муму» визуальный контент цифрового пространства. Как отмечает Д. С. Артамонов, «изменение текста или изображения создаёт бесконечные возможности интерпретации ключевого сообщения, содержащегося в интернет-меме, и способствует его массовому тиражированию» (2021, с. 225). Однако анализ материала, вычлененного по узкому тематическому принципу, пока производится крайне редко: мемология – молодая наука.

Цикл А. Бильжо

В 2004 г. состоялась презентация юмористического анимационного сериала «Герасим и Муму». Позднее вышла книга «Мои классики. Неучебное пособие» (Бильжо, 2011), в один из разделов которой включён материал, посвящённый рассказу И. С. Тургенева. А. В. Игнатова сравнила издание с оригинальным комиксом с незакреплённой последовательностью сцен, где «каждый отдельный блок можно читать в произвольном порядке независимо от остальных» (2013, с. 297). А. Бильжо показывает варианты того, что якобы происходило до, во время, после либо вместо запечатлённых И. С. Тургеневым событий, повествование в цикле принципиально нелинейное.

Выхваченные из контекста рисунки стали неотъемлемой частью российского интернета. Авторство указано редко, в ряде случаев изображения использованы в качестве шаблонов, повторены, изменены. Нами проанализировано 48 карикатур, отмечены закономерности.

Детали внешности героев на рисунках, стиль выполнения работ единые. Герасим – растрёпанный бородатый мужик в заплатанной национальной одежде: просторная рубаха в горох, широкие штаны, заправленные в сапоги, иногда треух на голове. Муму – маленькая собачка с вытянутой, почти крокодильей, мордой, её пасть в большинстве случаев приоткрыта и обнаруживает солидный набор зубов (впрочем, в сходной манере А. Бильжо изображает и других четвероногих, варьируется размер и окрас). Отличительной чертой Муму становится примотанный камень (в 73 % рисунков), непомерно огромный, он перекрывает туловище, делая её похожей на черепаху. Героиня

почти никогда не расстаётся с этим аксессуаром, появляется в таком виде на прогулке, у врача, во время «домашнего» чтения.

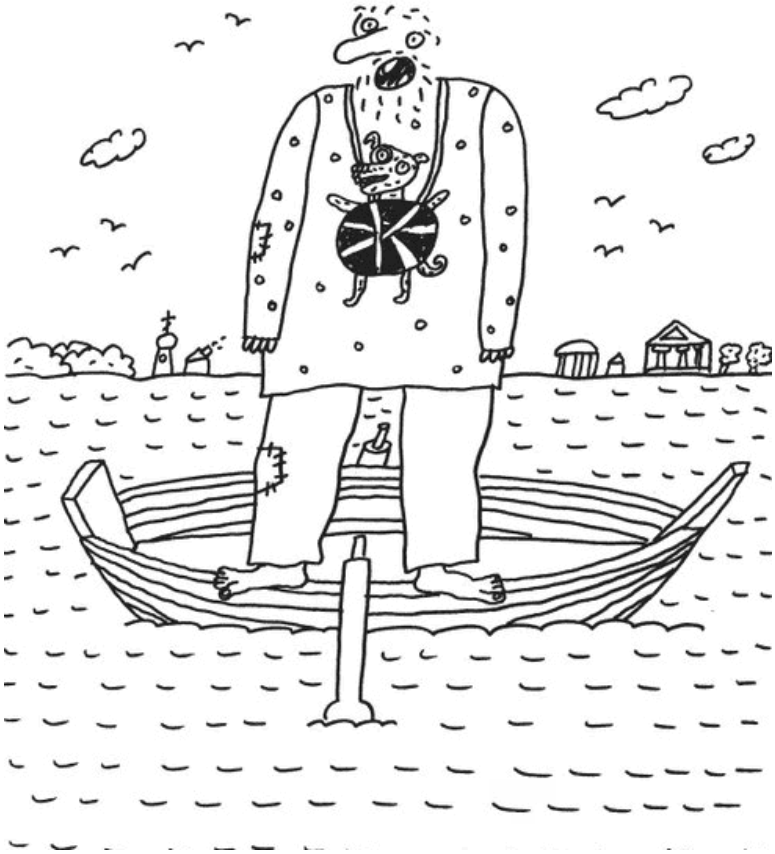

Рисунок 3. А. Бильжо «Мои Классики»

Figure 3. A. Bilzho “My Classics”

В лучших традициях постмодернизма А. Бильжо воссоздаёт знаковые для истории России реалии прошлого, перемещая главных героев тургеневского рассказа из середины XIX в. в различные эпохи и прокручивая узнаваемые ситуации: подвиг коммуниста, допрос в НКВД, потопление эсминца, нацистская расправа, разборки 90-х, создание политической партии, финансовый кризис и др. Художник строит большинство сюжетов на стереотипах восприятия советской и постсоветской действительности (героическая смерть и посмертное чествование, бандитский кипиш, протестный митинг, горячий репортаж, съёмка кинофильма) либо дополнительно вводит известных персонажей других авторов (И. А. Крылов, А. П. Чехов, М. Горький, Н. А. Островский, Д. А. Фурманов (а также братья Г. Н. и С. Н. Васильевы), Дж. Кэмерон).

Рисунок 4. А. Бильжо «Мои Классики»

Figure 4. A. Bilzho “My Classics” (“Hello, Chapaev…”)

В ряде случаев А. Бильжо применяет приём замещения, производящий комический эффект: например, когда меняет способ убийства: Муму везут на санках, чтобы утопить в полынье, прилюдно вешают на площади за какое-то политическое преступление, сбрасывают с самолёта. Зачастую кульминационные события полностью перестраиваются:

- работая на камеру, каждый дубль Герасим топит очередную Муму;
- Муму топит не Герасим, а другой пёс;
- Муму топится по собственному желанию;
- группа собак топит Герасима;
- Герасим топится сам, повесив на шею камень с Муму.

По словам В. Я. Проппа, если очеловечивание животных доводится до абсурда, то «эта нелепость усиливает впечатление комического» (1999, с. 60). В цикле А. Бильжо Муму ходит на задних лапах, прекрасно владеет речью, выказывает недюжинный ум и интеллектуальную подкованность. Она посещает психолога («Доктор, я смертельно боюсь воды...»). Обнаруживает знание историко-культурного контекста, например, когда заявляет Герасиму: «Лучше бы к Чехову пошла персонажем...» или: «Лучше бы [ты] на "Титанике" поплыл с Леонардо Ди Каприо». Собака укоряет хозяина, используя популярное выражение: «Не встал ты ещё с колен...» За секунду до утопления, указывая на убийцу, обращается «в кадр», разрушая четвёртую стену: «И это есть часть нашей великой русской культуры?..».

Рисунок 5. А. Бильжо «Мои Классики»

Figure 5. A. Bilzho "My Classics" ("You are twice a Mu... of the Soviet Union"[1])

Поскольку вариантов развития событий много, характеры главных героев показываются разными. Муму робкая и отважная, трогательно-наивная и проницательная, интеллектуально подкованная и неискушённая. Но – всегда откровенная. Герасим коварный и простодушный, жестокий и жалостливый, тупоголовый и мудрствующий. Выше указывалось на солидное количество литературоведческих интерпретаций произведения И. С. Тургенева. А. Бильжо лишь добавляет «немного» своих, доводя герменевтический принцип до абсурда.

1 The pun is based on the similarity of the naming of the title "Twice Hero of the Soviet Union", the double repetition of words in the name of Mumu and an expletive starting with the same two letters.

Процентный анализ контента позволяет сделать доказательные выводы относительно использованных карикатуристом приёмов:

Место действия. В 60 % это лодка. Ещё в 11 % – пространство возле реки. Очевидно, что образы находящихся посреди водоёма в лодке мужчины и собаки стали ключевыми для идентификации произведения, по мотивам которого создаются изображения. Как указываем ниже, не только в рисунках А. Бильжо.

Время действия. Явный намёк на советские реалии (обстоятельства) содержит 18 % карикатур. На постсоветскую действительность – 33 %. При том что Герасим всегда одет в соответствии со «своими» эпохой, национальной принадлежностью, социальным статусом.

Типаж героини. Из 35 карикатур с присутствием Муму более чем в половине собака являет собой существо значительно более разумное, чем Герасим.

Интертекст. Очевидные дополнительные ссылки на литературную и кинематографическую классику обнаружены в 20 % рисунков. Примечательно, что на обрамляющих изображениях в главе «Мой Тургенев» обыгрывается феномен мифа об авторе. На первом Герасим с помощью сурдопереводчицы рассказывает писателю о том, что «…очень любил Муму», а тот фиксирует слова в записную книжку. Идентифицировать Ивана Сергеевича позволяет причёска, борода, двустволка за спиной (здесь, безусловно, содержится отсылка к «Запискам охотника»). На последнем изображении собака, погружаясь в бездну, прощается: «До встречи в школьной программе…». А. Бильжо стирает границу, отделяющую мифологический хронотоп от реальности.

Другие изображения

По понятным причинам остальной контент, созданный по мотивам тургеневского рассказа, очень разнородный и в большинстве случаев анонимный. Нами отобрано, проанализировано 160 единиц. Результаты следующие.

Тип изображения. Профессиональная либо любительская карикатура – 80 %, фотография – 19 %, иллюстрация – 7 %, «серьёзный» рисунок – 1 %.

Место действия. Лодка – 68 %, непосредственно вода – 7 %, пространство на берегу – 6 %.

Время действия. Явный намёк на современную действительность содержат 29 % мемов.

Аксессуар. В 40 % изображений фигурирует кирпич/камень.

Типаж героини. Муму выказывает интеллект в 32 % случаев. По сравнению с циклом А. Бельжо собака чаще выступает в качестве бессловесной жертвы. Встречаются рисунки, на которых открыто воспроизводятся сцены насилия.

Интертекст. Дополнительные ссылки на литературную и кинематографическую классику обнаружены в 26 %.

Любопытен характер допущенных пользователями ошибок и неточностей. 1. Кличка собаки – она же название произведения – вписана в 37 изображений.

Из них только в 16 случаях соблюдены нормы орфографии. На остальных рисунках (57 %) в киноним вставлен дефис, как в звукоподражание. Возможно, на выбор повлияли запечатлевшиеся в памяти нескольких поколений фантики от молочных конфет с похожим словесным торговым знаком. 2. Герасим периодически показывается как старик и алкоголик: срабатывают фольклорные и постфольклорные стереотипы. 3. Лишь на нескольких карикатурах заметна попытка правильно передать окрас собаки. Верная порода Муму распознаётся только на изображениях профессиональных иллюстраторов.

Самый лёгкий вариант изготовления мема – подпись под готовой картинкой. В случае с «Муму» в подавляющем большинстве случаев пользователи обращаются к работам О. Громовой. Более десяти лет назад художник подготовила серию рисунков для сборника, вышедшего в издательстве «Махаон», специализирующемся на продукции для детей и подростков.

Рисунок 6. О. Громова. Иллюстрация к «Муму»

Figure 6. O. Gromova. Illustration to the story "Mumu"

Вирусным стало изображение того самого – предшествующего кульминационному, столь значимому для читателей и зрителей – эпизоду в лодке. Размер фигур удачен для тиражирования в мессенджерах: герои показаны

крупным планом. Наглядно обозначен контраст: «крестьянские» ладони могучего Герасима почти во всю длину охватывают хребет небольшого животного. Сцена из рассказа передана достаточно точно, ср.:

> «Он бросил вёсла, приник головой к Муму, которая сидела перед ним на сухой перекладинке – дно было залито водой – и остался неподвижным, скрестив могучие руки у ней на спине…» [269–270].

На иллюстрации О. Громовой отчётливо, почти плакатно, выражен внутренний конфликт: с одной стороны, любовь дворника к собаке (согбенный Герасим обнимает Муму, закрыв глаза, прижав лицо к её мордочке, как будто стараясь остановить мгновение), с другой – его решение убить питомицу (на переднем плане, рядом с ней, лежат два обвязанных верёвкой кирпича). Для внимательных созерцателей примечательны введённые художником детали пейзажа: склонившиеся и порядком обломанные деревья на заднем плане, силуэты которых повторяют изгиб спины Герасима, мечущиеся над водой ласточки, тяжёлая туча. Всего этого более чем достаточно, чтобы вспомнить основное содержание произведения – хотя бы в рамках подзабытой школьной программы.

Основанные на иллюстрации О. Громовой «перелицовки» часто отсылают к бытовым проблемам современности: герои обсуждают налоги, плату за квартиру, цены на собачий корм и т. п. Остановимся на более оригинальном меме. Рисунок художника лишён пейзажа – обрезан, снабжён подписями. На первом изображении помещены «субтитры» мысленного обращения Герасима к Муму: «Прости у меня нет другого выхода». В тургеневском рассказе объективный тип фокализации: повествователь не знает, о чём думает персонаж, внутреннее состояние героя угадывается по внешним проявлениям психики. По позе глухонемого легко предположить, какие эмоции он испытывает. Глядя на картинку, мы вспоминаем пронзительный эпизод, настраиваемся на сентиментальный лад. Опуская взгляд, переходим ко второму, точно такому же изображению, где растолковывается суть происходящего: Герасим – это «я», Муму – «кот, которому пора купаться». В чём-то обстоятельства, действительно, схожи: хозяин и питомец, сожаление одного и бестревожность другого, подготовленная близость воды, в которую готовятся погрузить животное[1]. Но сопоставление ситуаций неожиданно: слишком далеки друг от друга сферы, эпохи, несоизмеримы по степени трагичности последствия «купания». Внезапность и эффект обманутого ожидания вызывают сильный комический эффект, подкрепляемый культовой интернет-популярностью котоконтента (Thibault, Marino, 2018, p. 487; Myrick, 2015, p. 168).

1 Объединение либо, наоборот, противопоставление образов собаки и кошки характерно для русской фольклорной традиции (Гура, 2012, с. 94).

Рисунок 7. Двойной мем, созданный на основе иллюстрации О. Громовой

Figure 7. A double meme based on an illustration by O. Gromova ("I'm sorry, I have no other choice" / "I" – "The cat who needs to bathe")

Среди мемов, комический эффект в которых основан на столкновении героев из разных произведений, по частоте встречаемости лидируют истории встречи, конфликта, сотрудничества Герасима с дедом Мазаем. Нами зафиксировано 21 изображение на эту тему (более 13 % от общего числа). Произведения И. С. Тургенева и Н. А. Некрасова созданы примерно в одну эпоху, приблизительно в равной степени известны школьникам, легко рифмуются благодаря схожему социальному статусу главных персонажей и мотиву передвижения в лодке вместе с находящимися в ней животными. Антитетичность сюжетов (погружение в воду / извлечение из воды, убийство / спасение) при контаминации обеспечивает сильный комический эффект. Как остроумно замечает В. С. Березин,

> «…историю нашей страны можно описать в образах двух бородатых мужиков на лодках – Мазая и Герасима. В них всё – от блаженного мира до революций» (2019, с. 123).

Самые очевидные случаи замены – спасающий собаку Мазай и топящий зайцев Герасим. Широк спектр возможных вариантов взаимоотношений героев – от совместного распития спиртного до соперничества, дуэли. Используются и другие пути трансформации фабул: длинноухие по ошибке принимают хозяина Муму за спасителя либо, наоборот, быстро распознают погубителя (о чём, например, свидетельствует транспарант «Мы не мумы – мумы не мы!»), стараются убедить его изменить поведение («Какой к чёрту Герасим! Ты Мазай! Ма-за-а-ай!»). Частотен сюжет конвейера: некрасовский персонаж вылавливает животных, тургеневский тут же выбрасывает вытащенных обратно.

В других базирующихся на интертекстуальных связях мемах структурно-композиционная основа также чаще всего связана с образом воды. В них фигурируют персонажи, которые обречены погибнуть (персидская княжна из фольклорного текста о С. Разине, В. И. Чапаев, пассажиры «Титаника», неожиданно – шекспировская Дездемона), те, кто утонуть в принципе не может (Буратино, например), а также те, кто находятся под водой и становятся невольным свидетелем преступления (водяной, русалка, водолаз). Обыгрываются подходящие по смыслу названия («На дне» М. Горького), популярные цитаты (фраза о середине Днепра из «Страшной мести» Н. В. Гоголя). Наиболее востребованным произведением оказывается сам рассказ И. С. Тургенева: его увлечённо читают (или слушают в аудиозаписи) Муму, Мазай, пара злорадно усмехающихся котов и др.; книгу с рассказом – на удивление объёмную – вместо кирпичей привязывает себе на шею Герасим, стопку томов дворник вешает на свою любимицу[1].

Другой вариант интерпретации – замещение четвероногой питомицы по видовому признаку. В роли Муму выступают трёхглавый Цербер[2], безымянный шпиц из «Дамы с собачкой» А. П. Чехова, Каштанка из рассказа того же автора, фокстерьер Монморанси из повести Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», пёс из «Собаки Баскервилей» А. Конан Дойла; в последнем случае доминирует пользующийся особой популярностью мотив возмездия. Легко угадывается концепция мема, где главные роли исполняют герои хита Э. Успенского: крокодил Гена, Чебурашка, старуха Шапокляк.

Нередко пародируется стилистика жанра хоррор, когда Муму обретает вид бесовской твари, оборотня, зомби. Показательны, в частности, подписи «Муму-2. Жизнь под водой», «Муму возвращается» и т. п. Подчеркнём: «не та» Муму (большая, сильная, страшная, кровожадная) частый вариант сюжетного поворота. В качестве других опытов в области стилизации можно отметить убийство жертвы в духе сицилийской Cosa Nostra, отсылки к Bollywood («Герасим всё-таки спел три песни»), карикатуру в самурайском духе (Муму успевает сделать харакири до прихода Герасима).

1 Очередной намёк на объёмность школьной программы.
2 На меме все три шеи древнегреческого чудовища наделены кирпичами.

Рисунок 8. В. Калинский

Figure 8. V. Kalinskiy

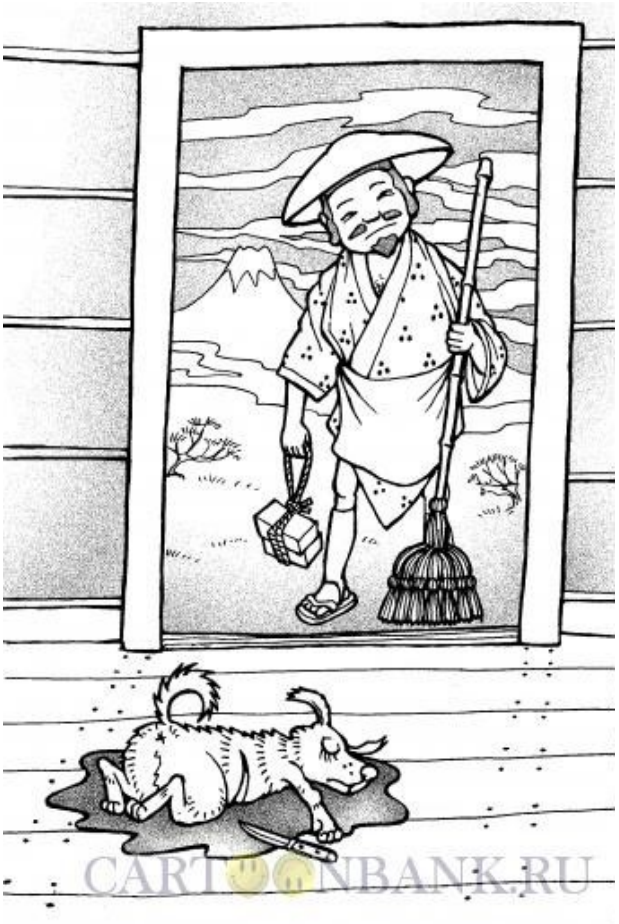

Рисунок 9. Г. Андросов «Трагедия в японском стиле»

Figure 9. G. Androsov "Tragedy in the Japanese style"

Менее популярны, но тоже частотны импровизации на тему немоты тургеневского героя. Следователь разъясняет дворнику права: «Гражданин Герасим, Вы можете хранить молчание…», угрожает: «У меня и не такие говорить начинали!». Муму часто велеречива, она критикует: «Знаешь, Герасим, плохой из тебя оратор!..», подозревает: «Ты, Герасим, чего-то не договариваешь, к чему вдруг эта речная прогулка?», просит: «А поговорить, Гера?..», приходит к заключению: «Герасим, ты учишь плавать ещё хуже, чем говоришь», наконец, интересуется у выпавшего из лодки хозяина: «Что молчишь? Воды в рот набрал?». Повторим, что в значительной части мемов дар речи обретают все персонажи – включая Некрасовских зайцев, драже «эм энд эмс», лодку. А. А. Кучумова, изучавшая анекдоты, созданные по мотивам тургеневского рассказа, считает, что «дарованное» главному герою умение говорить по определению лишает его роли жертвы (2002).

Роль немых свидетелей происходящего вынуждены исполнять читатели «Муму». Невозможность вмешаться в ход событий заставляет их чувствовать себя соучастниками преступления. «Ситуация безвыходная, и разрешить её можно двумя способами: попробовать всё исправить, восстановить равновесие <…> или отказаться от собственных эмоций, отомстить самому тексту (а значит, и его автору и персонажам) за ту боль, которую он заставил пережить» (Там же). Установка на «месть тексту» со всей очевидностью проявляется в подписях с использованием грубой, бранной лексики, изображениях садистского и порнографического характера. Остановимся подробнее на более гуманных вариантах – мемах, фиксирующих благополучный для Муму исход.

Рисунок 10. В. Калининский

Figure 10. V. Kalinskiy

Едва ли не самым приятным для читателей финалом становится подмена жертвы, когда Герасим убивает не собаку, а виновную в её несчастьях барыню. Солидный пласт мемов посвящён смерти глухонемого, чаще всего он насильственным путём либо по собственной воле оказывается за бортом с камнем/кирпичом на шее. У Муму находятся заступники: Мазай, русалка, псы-волкодавы, папарацци в аквалангах. Меняется место действия, в результате чего утопление затруднительно либо невозможно: лодка телепортируется в солёное Мёртвое море, на песчаный бархан. Наконец, Муму самостоятельно выплывает на берег, несмотря на привязанный к ней груз. А то и отваживается противостоять хозяину, продолбив топором днище, бодро замолотив вёслами, выпив из реки всю воду. Самые частотные средства спасения – снаряжение для дайвинга, резиновый круг, жилет, заблаговременно принятый внутрь пенопласт.

Рисунок 11. Демотиватор с сайта demotivatorium.ru

Figure 11. Demotivator from the website demotivatorium.ru ("Mumu, feeling something was wrong in the evening, ate a lot of styrofoam")

Комический эффект весомой части мемов основан на использовании омонимии, а также смежных с ней явлений. Неоднократно обыгрывается созвучие кинонима и звуков, издаваемых рогатым скотом (на зов глухонемого прибегает бык, корова с трудом умещается на скамье лодки, хозяин непослушной бурёнки грозится позвать Герасима). Другие варианты: «буль-бульдог» (редкая порода Муму), дед Мастдай (выражение из компьютерного сленга, образованное от английского “must die” – «должен умереть»). Сложный подтекст таится в карикатуре, на которой воспроизводится следующий диалог между Герасимом и его питомицей: «“Му… Му…” – “…Муаммар?!?”». Дворник держит собаку в воздухе за пределами лодки, та, ошарашенная открытием, «узнаёт» в хозяине ливийского революционера Каддафи, мечтавшего напоить пресной водой всю Африку.

Среди других вариантов достижения смеховой реакции использование: полисемии («утопист», «топить», «утопия-антиутопия», «перезагрузка», «вязка», «сука»), прямого и переносного значения фраз («собачья жизнь», «подводные камни», «вода – это жизнь»), знаковой омонимии. В последнем случае широкой популярностью пользуются сюжеты с заменой изображения животного на commercial at, неофициально именуемое в России «собакой». Так, на одном из мемов душа пускающей пузыри Муму отлетает в виде символа «@».

Заключение

Результаты контент-анализа позволяют выделить ряд факторов, благодаря которым эпизоды тургеневского рассказа превратились в медиавирусы.

1. Хрестоматийность. Целесообразность обязательного изучения произведения сразу после младшего звена школы периодически подвергается сомнению, но текст остаётся в программе почти сто лет.
2. Яркий национальный колорит, фольклоризм, мифологенная тема, делающие текст знаковым, а значит ценным для отечественной культуры.
3. Небольшой объём рассказа, простота сюжета, облегчающие восприятие.
4. Юный возраст школьников, которых в большинстве случаев ещё можно убедить если не подробно ознакомиться с произведением, то хотя бы его «пройти».
5. Следствие «эдиповой борьбы» – отторжения, вызванного чересчур прямолинейным насаждением классики.
6. Результат срабатывания копинг-механизма – реакция на стресс, полученный после травматических переживаний читателя.

7. Значительная удалённость описываемых событий от сегодняшнего дня. Дистантная проспекция позволяет впечатляюще «осовременить» материал, сделать его нелепее, а значит, смешнее.
8. Трагичность и патетичность истории. Как бы кощунственно это ни звучало, будоражащее сердца убийство невинного животного – благодатная почва для травестии, чем сильнее потрясение от развязки, тем эффектнее переиначивание: в силу вступают законы зеркальной симметрии (энантиоморфизм).
9. Многовариантность толкования характера главного героя, связанная с отказом автора комментировать события и вводить внутренние монологи. Поступки Герасима вызывают недоумение, вопросы, протест, но вновь и вновь заставляют возвращаться к проблеме осмысления русской идентичности.

История немого холопа и его маленькой питомицы оказалась чрезвычайно популярной и породила множество интерпретаций. Массовое сознание выработало максимально упрощённую эмблематическую триаду, с коей ассоциировался текст: мужчина, собака, лодка. Триада стала мемом. Мем, в свою очередь, в силу закона семиозиса, обнаружил способность к многообразным трансформациям. Забавные, подчас примитивные, порой кощунственные творения самим фактом многовариантного отхода от иконичности демонстрируют неизмеримый потенциал классического текста.

Заявления автора

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Автор был уведомлен и согласен с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Автор подтверждает, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Исследование, концептуализация и написание текста – Завьялова Е. Е.

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Автор подтверждает, что нет препринта/рабочей версии.

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Данная работа не профинансирована ни одним спонсором.

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не использовались.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства

В очередной раз благодарю создателей журнала за возможность творить на стыке разных дисциплин, использовать рисунки, публиковать нестандартные материалы.

Список литературы

Myrick, J. G. (2015). Emotion Regulation, Procrastination, and Watching Cat Videos Online: Who Watches Internet Cats, Why, and to What Effect? *Computers in Human Behavior*, 52, 168–176. https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.06.001

Thibault, M., & Marino, G. (2018). Who Run the World? Cats: Cat Lovers, Cat Memes, and Cat Languages Across the Web. *International Journal for the Semiotics of Law - Revue Internationale de Sémiotique Juridique*, 31(3), 473–490. https://doi.org/10.1007/s11196-018-9559-8

Аксаков, И. С. (1894). Письмо И. С. Тургеневу от 4 (16) октября 1852 г. *Русское обозрение*, 8, 475–476.

Артамонов, Д. С. (2021). Юмор в исторической памяти: От анекдота и карикатуры к интернет-мему. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(3), 213–237. https://doi.org/10.46539/gmd.v3i3.181

Безбородова, В. А. (2022). Интерпретация рассказа И. С. Тургенева «Муму» в экранизации Юрия Грымова (1998). В С. В. Рудакова (Ред.), *Мировая литература глазами современной молодёжи. Цифровая эпоха. Сборник материалов VIII Международной молодежной научно-практической конференции* (сс. 98–101). МГТУ им. Г.И. Носова.

Белякова, О., Ильчук, А., Залогина, Ю., Конюченко, А., Лазарева, А., Тимчук, С., & Кургузова, Н. В. (2017). Муму вернулась, чтобы отомстить: Интерпретация оригинальных произведений И. С. Тургенева в литературе фанатов. В А. В. Гумеров (Ред.), *Перспективы науки – 2017: Материалы VI Международного заочного конкурса научно-исследовательских работ* (сс. 143–150). Ро́кета Союз.

Березин, В. С. (2019). Смерть спаниеля. *Новый мир*, 5, 123–129.

Бильжо, А. Г. (2011). *Мои классики: Книга для тех, кто учится чему-нибудь: Неучебное пособие*. Астрель.

Борисенко, В. А., & Мкртчян, Т. Ю. (2022). Мем как диагностирующая единица ключевых проблем современного общества. *Гуманитарные и социальные науки*, 94(5), 36–42. https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-94-5-36-42

Вдовин, А. В. (2024). Прозрачное мышление и крестьянская субъективность в повести И.С. Тургенева «Постоялый двор». *Сибирский филологический журнал*, 4, 60–72. https://doi.org/10.17223/18137083/89/5

Гимранова, Ю. А. (2021). Ремейк и сиквел как формы рецепции «Муму» И.С. Тургенева. *Известия высших учебных заведений. Уральский регион*, 1, 38–48.

Гура, А. В. (2012). Собака. В Н. И. Толстой (Ред.), *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах* (Т. 5, сс. 93–95). Международные отношения.

Зимовец, С. (1996). Молчание Герасима. В *Молчание Герасима. Психологические и философские эссе о русской культуре* (сс. 9–25). Гнозис.

Игнатова, А. В. (2013). Природа художественной целостности книги А. Бильжо «Мои классики». *Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука*, 5, 296–304.

Канашина, С. В. (2015). Семиотическая природа интернет-мема. Интернет-мем как симулякр. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, 22, 118–125.

Кучумова, А. А. (2002). *Анекдот как зеркало классической литературы: Муму и Герасим глазами современного человека*. Первое сентября. https://ps.1sept.ru/article.php?ID=200207622&ysclid=mdy5n30xh4788237740

Липатов, П. Е. (1959). «Муму» И. С. Тургенева. В И. Т. Трофимов (Ред.), *Творчество И.С. Тургенева: Сборник статей* (сс. 141–157). Учпедгиз.

Маругина, Н. И. (2009). Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира. *Язык и культура*, 2, 11–30.

Нестерова, В. Д. (2020). Интернет-мемы как компонент новых медиа (мемы и интернет-СМИ). В Н. Н. Макарова (Ред.), *Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2020: Материалы международной студенческой научно-практической конференции* (сс. 613–619). МГТУ им. Г.И. Носова.

Пропп, В. Я. (1999). *Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне)*. Лабиринт.

Рабкина, Н. В., & Валько, О. В. (2020). Художественный концепт dog: Сценарий гибели собаки в американской массовой литературе. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 22(4), 1116–1125. https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1116-1125

Савинков, С. В. (2021). Семиотика как инструмент анализа: Рассказ И.С. Тургенева «Муму». *Культура и текст*, 2, 164–170. https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-2-164-169

Скворцова, Е. Е. (2020). Человек и природа в рассказе И.С. Тургенева «Муму». В *Пятый этаж: Международный сборник научных статей молодых учёных* (сс. 71–75). Алтайский государственный педагогический университет.

Соляник, Н. И. (2022). Повесть И.С. Тургенева «Муму» в круге детского чтения: Исторический аспект. В *Современное филологическое образование в исследованиях магистрантов: Сборник научных статей магистрантов – участников научно-практической конференции* (сс. 257–273). Ремдер.

Тургенев, И. С. (1980). *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 томах: Т. 4. Повести и рассказы. Статьи и рецензии. 1844–1854*. Наука.

Фомина, Е. (2014). «Муму» как канонический текст и Герасим как национальный тип. В *Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов* (Vols. 1–25, сс. 44–55). Тартуский университет.

Чалмаев, В. А. (1986). *Иван Тургенев*. Современник.

References

Aksakov, I. S. (1894). Letter to I. S. Turgenev of 4 (16) October 1852. *Russkoe Obozrenie*, 8, 475–476. (In Russian).

Artamonov, D. S. (2021). Humor in Historical Memory: from an Anecdote and Caricature to an Internet Meme. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(3), 213–237. https://doi.org/10.46539/gmd.v3i3.181 (In Russian).

Belyakova, O., Ilchuk, A., Zalogina, Yu., Konyuchenko, A., Lazareva, A., Timchuk, S., & Kurguzova, N. V. (2017). *Mumu* Returned to Take Revenge: Interpretation of I. S. Turgenev's Originals in Fan Literature. In A. V. Gumerov (Ed.), *Prospects for Science – 2017: Proceedings of the 6th International Distance Competition of Research Papers* (pp. 143–150). Roketa Soyuz. (In Russian).

Berezin, V. S. (2019). The Death of a Spaniel. *Novyi Mir*, (5), 123–129. (In Russian).

Bezborodova, V. A. (2022). Interpretation of I. S. Turgenev's story "Mumu" in Yuri Grymov's Film Adaptation (1998). In S. V. Rudakova (Ed.), *World literature through the eyes of modern youth: The digital age. Proceedings of the 8th International Youth Scientific and Practical Conference* (pp. 98–101). Nosov Magnitogorsk State Technical University. (In Russian).

Bilzho, A. G. (2011). *My classics: A book for those who are learning something: A non-textbook*. Astrel'. (In Russian).

Borisenko, V. A., & Mkrtchyan, T. Yu. (2022). Meme as a Diagnostic Unit of Key Problems in Modern Society. *Humanities and Social Sciences*, 94(5), 36–42. https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-94-5-36-42 (In Russian).

Chalmaev, V. A. (1986). *Ivan Turgenev.* Sovremennik. (In Russian).

Fomina, E. (2014). "Mumu" as a Canonical Text and Gerasim as a National Type. In *Russian Philology: A Collection of Research Papers by Young Philologists* (Vols. 1–25, pp. 44–55). University of Tartu. (In Russian).

Gimranova, Yu. A. (2021). Remake and Sequel as Forms of the Reception of I. S. Turgenev's "Mumu." *Proceedings of Higher Educational Institutions: Ural Region*, (1), 38–48. (In Russian).

Gura, A. V. (2012). Dog. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary in Five Volumes* (Vol. 5, pp. 93–95). Mezhdunarodnye Otnosheniia. (In Russian).

Ignatova, A. V. (2013). The Creative integrity of the book by A. Bilzho "My Classics". *Ural Philological Herald. Series: Draft: Young Science*, (5), 296–304. (In Russian).

Kanashina, S. V. (2015). Semiotic Identity of Internet Meme. Internet Meme as a Simulacrum. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, (22), 118–125. (In Russian).

Kuchumova, A. A. (2002). The Anecdote as a Mirror of Classical Literature: "Mumu" and Gerasim through the Eyes of a Contemporary. *Pervoe Sentyabrya [First of September]*. https://ps.1sept.ru/article.php?ID=200207622&ysclid=mdy5n30xh4788237740 (In Russian).

Lipatov, P. E. (1959). I. S. Turgenev's "Mumu." In I. T. Trofimov (Ed.), *The Works of I. S. Turgenev: A Collection of Articles* (pp. 141–157). Uchpedgiz. (In Russian).

Marugina, N. I. (2009). The Concept "Dog" as the Element of the Russian Language Picture of the World. *Language and Culture*, (2), 11–30. (In Russian).

Myrick, J. G. (2015). Emotion Regulation, Procrastination, and Watching Cat Videos Online: Who Watches Internet Cats, Why, and to What Effect? *Computers in Human Behavior*, 52, 168–176. https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.06.001

Nesterova, V. D. (2020). Internet Memes as a Component of New Media (Memes and Online Mass Media). In N. N. Makarova (Ed.), *Student and Science (Humanities Cycle)–2020: Proceedings of the International Student Scientific and Practical Conference* (pp. 613–619). Nosov Magnitogorsk State Technical University. (In Russian).

Propp, V. Ya. (1999). *Problems of the Comic and Laughter: Ritual Laughter in Folklore (on the Tale of the Sad Princess).* Labirint. (In Russian).

Rabkina, N. V., & Valko, O. V. (2020). Literary Concept of Dog: Dog's Death Scenario in American Mass Fiction. *Bulletin of Kemerovo State University*, 22(4), 1116–1125. https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1116-1125 (In Russian).

Savinkov, S. V. (2021). Semiotics as a Tool of Analysis: I. S. Turgenev's Short Story "Mumu." *Culture and Text*, (2), 164–170. https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-2-164-169 (In Russian).

Skvortsova, E. E. (2020). Human and Nature in I. S. Turgenev's story "Mumu." In *The Fifth Floor: International Collection of Scientific Papers by Young Scholars* (pp. 71–75). Altai State Pedagogical University. (In Russian).

Solyanik, N. I. (2022). I. S. Turgenev's Novella "Mumu" within the Sphere of Children's Reading: A Historical Perspective. In *Modern Philological Education in Master's Research: Collection of Scientific Articles by Master's Students—Participants of the Scientific and Practical Conference* (pp. 257–273). Remder. (In Russian).

Thibault, M., & Marino, G. (2018). Who Run the World? Cats: Cat Lovers, Cat Memes, and Cat Languages Across the Web. *International Journal for the Semiotics of Law - Revue Internationale de Sémiotique Juridique*, 31(3), 473–490. https://doi.org/10.1007/s11196-018-9559-8

Turgenev, I. S. (1980). *Complete Works and Letters (30 vols.). Works (12 vols.): Vol. 4. Novellas and Stories; Articles and Reviews, 1844–1854.* Nauka. (In Russian).

Vdovin, A. V. (2024). Transparent Minds and Peasant Subjectivity in the Novella "The Inn" by Ivan Turgenev. *Sibirskiy Filologicheskiy Zhurnal*, (4), 60–72. https://doi.org/10.17223/18137083/89/5 (In Russian).

Zimovets, S. (1996). Gerasim's Silence. In *Gerasim's Silence: Psychological and Philosophical Essays on Russian Culture* (pp. 9–25). Gnosis. (In Russian).